

I. SORLIN. LES TRAITÉS DE BYZANCE AVEC LA RUSSIE AU X-e SIÈCLE.

„Cahiers du monde russe et soviétique“, 1961, II, № 3, p. 313—360;
№ 4, p. 447—475

Историография русско-византийских договоров, этого важнейшего источника по истории Древней Руси и ее ранним связям с Византией, пополнилась новой работой И. Сорлэн. Во вводной части статьи автор подводит некоторые итоги изучения русско-византийских отношений IX в. Она разделяет мнение А. Грегуара и его ученицы Ж. да Коста Луйе о житии Георгия Амастридского, считая, что содержащиеся в нем сведения о походах русских на Византию в первой половине IX в. были записаны не ранее X в. Знакомство же Византии с руссами произошло еще в начале IX в., когда там появились русские купцы. Сорлэн подробно разбирает свидетельства византийских источников о первом русском походе 860 г. и последовавших за ним дипломатических сношениях с Русью. Вслед за А. Грегуаром и Ф. Дворником она уточняет дату крещения части руссов, сообщаемую «Жизнеописанием императора Василия». Автор его, Константин Багрянородный, желая приписать честь крещения своему деду Василию I, вступившему на престол 23 сентября 867 г., умышленно перенес дату крещения с лета 867 г. на более позднее время.

Что касается самих договоров, которым и посвящена основная часть работы, то Сорлэн интересуется главным образом проблема их подлинности. Несмотря на то, что договоры сохранились только в Повести временных лет¹, Сорлэн не считает их сочинениями древнерусского летописца, а подлинными документами, переведенными с греческого почти одновременно с заключением договоров. Наблюдения С. П. Обнорского об отличиях языка грамот, факт раннего распространения грамотности в русском обществе, подтвержденный недавними находками берестяных грамот, — убедительные доказательства подлинности договоров. Однако Сорлэн, как и все предшествующие исследователи договоров, не может объяснить особенности формуляра договора. Она то склоняется к мнению С. Микуцко, что тексты ПВЛ — переводы греческих копий, составленные специально для русских, то объясняет их различия происхождением. Почти в унисон с последней советской исследовательницей договоров М. И. Корнеевой-Петрулан² она полагает, что договор 911 г. составлен русской стороной, 944 г. — византийской, 971 г. — опять русской.

Несколько непоследовательно решает она вопрос о договоре 907 г. и предшествовавшем ему походе. Приводя сведения Тактики Льва VI и «De administrando imperio» Константина Багрянородного о русских судах и их частых походах на Византию, она приходит к выводу, что «никакой решающий аргумент не запрещает считать» поход 907 г. реальным, как это делают Г. Острогорский и А. Васильев. Однако, исходя из практики Византии возобновлять свои договоры через 30 лет, можно допустить возобновление договора 860 г. в начале X в. и без всякого похода. В целом Сорлэн не высказывается определенно по поводу договора 907 г. Жаль, что вопреки А. А. Шахматову, доказавшему наличие текстуальных заимствований договора 907 г. из последующих — 911 и 944 гг., автор считает текст акта 907 г. совершенно независимым от 911 г. И. Сорлэн не обращает должного внимания и на другое свидетельство компилятивного характера текста: язык договора 907 г. слишком близок к русскому языку конца XI в.

Очень интересны наблюдения Сорлэн над договором 911 г. — официальным документом русского происхождения, носящим следы утверждения в Византии. Согласно Н. А. Лавровскому и С. Микуцко, вводная и заключительная части были написаны греками, что убедительно показывает буквальный перевод на греческий, предложенный Сорлэн. Она правильно объясняет некоторое противоречие в заголовке и тексте договора тем, что переговоры были начаты при императорах Льве и Александре и завершены уже после провозглашения соправителем Константина. Основной же текст договора написан русскими, доказательство чего Сорлэн видит в характере договора, предусматривавшего лишь обязанности русских — сохранять мир с Византией и подчиняться чужим обычаям во время пребывания в Константинополе.

Иной характер носит, по мнению Сорлэн, следующий договор, зафиксировавший и обязательства Византии по отношению к русским. Как показал Микуцкий, византийская часть договора предусматривала свободу русских от уплаты таможенных налогов. К ней по настоянию русских были добавлены преамбула и заключение.

¹ Укажем, кстати, что И. Сорлэн предостерегает от пользования русским переводом Повести Д. С. Лихачева, как далеким от подлинника, и его комментариями, называя их неполными (стр. 323).

² М. И. Корнеева-Петрулан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. «Уч. зап. МГУ», вып. 150. Русский язык., М., 1952, стр. 255—281.

Сорлэн уточняет дату заключения договора. В Византии текст его был ратифицирован в течение 944 г., еще при жизни императора Романа, указанного в договоре. Дата же ПВЛ — 945 г. — является, по Сорлэн и Микуцкому, датой ратификации договора на Руси, куда и был направлен один из противней договора.

Наконец, договор 971 г., заключенный после поражения Святослава и по своему существу отвечающий интересам Византии, Сорлэн считает «древнейшей русской княжеской грамотой». Особенности ее формуляра склоняют автора к мысли, что грамота, условия которой были продиктованы греками, то ли в русском, то ли в византийском лагере, была составлена русскими.

Таковы основные выводы автора относительно происхождения договоров. Не менее интересна и оценка Сорлэн их значения для истории русско-византийских отношений и внутреннего развития Руси. Начнем с последнего. Указывая различные значения термина «Русь» в X в., автор специально оговаривает, что, пока речь идет о русско-византийских отношениях, этот термин следует понимать, как «географическое и политическое единство, включающее все земли славян и финнов, подчиненные власти скандинавов» (стр. 315). Если преувеличение власти скандинавов в статье Сорлэн кажется случайным элементом, не вытекающем органически из рассматриваемого ею материала, то ее представление о Руси X в. как сравнительно высоко организованном государстве не вызывает возражений. Пожалуй, лишь несколько преждевременно говорить о «нации» во главе с Киевом. Очень интересны наблюдения Сорлэн о внутренней основе Древнерусского государства. Указание в договорах городов, расположенных не только на пути из варяг в греки, но и в стороне от него, таких, как Полоцк и Ростов, показывает, по мнению Сорлэн, что Русь созидалась не только на основе торговли и не только возле торговых путей (стр. 347). Появление в Византии не только куштов, но и путешественников и воинов, пишет далее автор, дает основание заключить, что торговля не была единственной связью между городами, не была и единственным мотивом заинтересованности Руси в Византии. Эти выводы автора далеко расходятся со столь модными теперь на Западе теориями В. О. Ключевского о роли торговли в Древней Руси. Существенные наблюдения делает Сорлэн и о развитии русской культуры в течение X в. Она отмечает, что на протяжении первой половины X в. на Руси распространялась грамотность, что у русских князей появились собственные «канцелярии».

В некотором противоречии с общим представлением Сорлэн о Русском государстве находится отрицание ею русского «закона», русского права. Она пишет: «По крайней мере преувеличение говорить о каком-то русском праве в начале X в. Тем более преувеличение полагать, будто Византия его учитывала». Между тем и в договоре 911 г., и в договоре 944 г. шла речь о русском «зако́не». Советские историки показали близость норм статей 3-й (911 г.) и 12-й (944 г.) Краткой редакции Русской Правды.

Русско-византийские отношения X в., по Сорлэн, не ограничивались только экономической областью, но включали в себя и политические обязательства сторон. Одним из условий договора 944 г. было обязательство русских оказывать военную помощь Византии. Особенно важными были взаимоотношения Руси и Византии в связи с Херсоном, «Хорсунской страной». Очень правильно мнение Сорлэн, что русские овладели Тьмутараканью лишь около 964—965 гг. Однако русские стали проникать в эти районы уже в 40-х годах X в., чем и вызвано было беспокойство Византии из-за возможных нападений русских на византийские земли (так трактует Сорлэн статью 7-ю договора 944 года, сильно испорченную при переводе). Автор предполагает, что с расширением власти русских на юг и на восток связана и 10-я статья этого же договора. Согласно этой статье, русские обязывались помогать в борьбе против Черных болгар (волжских, по мнению Сорлэн), либо уже отчасти подчиненных русским, либо вторгавшихся в области, подконтрольные русским.

В оценке значения самих договоров для развития русско-византийских отношений Сорлэн не совсем последовательна. Она то говорит, что в договорах идет речь только об обязанностях русских (стр. 329), то делает исключение для договора 944 г., содержащего и обязательства Византии (стр. 456).

Несмотря на некоторые внутренние противоречия отдельных выводов автора, статья Сорлэн ценна признанием ею подлинности договоров, новыми наблюдениями над историей самих текстов. Кроме того, Сорлэн впервые предлагает западноевропейскому читателю перевод договоров на французский язык³.

А. Х.

³ Можно лишь сожалеть, что автору осталась неизвестной публикация договоров в «Памятниках русского права», которую А. А. Зимин снабдил переводом на русский язык и комментариями («Памятники русского права», сост. А. А. Зимин. М., 1952, стр. 3—70). Эта публикация была высоко оценена иностранными учеными.